

Антиповская А.И., Никифорова К.М.

Научный руководитель: к.и.н., доцент Гусарова М.Е.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23

anndemitale@gmail.ru

ksenia.nikiforova.2007@mail.ru

Исторические тенденции развития культуры: факторный анализ

Даже при беглом взгляде на современную культуру и искусство видно, как сильно она отличается, например, от культуры двухсотлетней давности. Отличия касаются не только содержания, но и строения, и отношения извне. Сегодняшняя культура представляет смешение стилей, идеологий, философий, не имеет четко очерченных тенденций. Главные причины такого явления, на наш взгляд, кроются в развитии промышленных и цифровых технологий. Проследим это на конкретных исторических примерах.

Зачатки культуры и искусства появились еще в первобытном мире. Философия человека была анимична, явления и предметы отождествлялись с человеком, что породило мистическое мышление. Человек осваивал орудия труда. Средствами получения информации был опыт человека, отраженный, например, в наскальной живописи (пещера Альтамира) и использовании орудий для украшений, игрушек, обрядовых предметов, вытекающих из мифологического мышления.

В искусстве Древнего мира развивается мифологизм, но человек начинает занимать центральное место. Его отношения с обществом, природой, государством – ключевые вопросы той эпохи. Судьба человека и нравственность рассматриваются философами через мифологизм, что приводит к зарождению религий. Человек стремится систематизировать действительное. Промышленность тоже не стоит на месте: осваиваются бронза, камень, развивается гончарство, создаются духовые, струнные и ударные инструменты. Тенденции эпохи – стандартизация искусства, создание первых канонов скульптуры и архитектуры (дорифор Поликлета, система ордеров), зарождение теории музыки.

В Средние века религия занимает ключевое место в искусстве. Экономика основана на сельском хозяйстве, источником информации оставалась община, но добавляется церковь. Создаются богословские школы. Философия ставила в центр Бога, через религию пытались познать мир. Божественное нерушимо, поэтому нельзя нарушать порядок. Человек осваивает стекольную промышленность и строительную инженерию. Церкви строятся по единому образцу (готика), появляются витражи и мозаика, иконы пишутся по канонам, богослужение дополняется двухголосым песнопением, зарождается хорал.

Эпоха Возрождения ставит на пьедестал человека, его внутренний мир и внешнюю красоту, возвращает идеалы античности. Человек подобен Богу и может творить. Культ творческой деятельности укрепляется. Ренессанс противопоставляется Средневековью: нерушимые каноны заменяются рациональным познанием. Изобретение книгопечатания способствует развитию культуры. Изобретены масляные краски, изучается анатомия человека, открываются художественные и музыкальные учебные заведения. Культура Ренессанса становится светской, картины и скульптуры создаются по научно разработанным правилам, музыкальные инструменты совершенствуются.

Эпоха Просвещения логически продолжает гуманистические идеи Возрождения, но развитие промышленности и средств информации приводит к появлению нескольких монументальных направлений, таких как барокко, классицизм и ампир. Барокко возникает как ответ на идеалы Ренессанса. Тайны мира труднее познать, возвращается мистицизм. Церковь остается источником информации, мистицизм и символизм возвышают ее над человеком. Основная тенденция – эмоции выше разума. В изобразительном искусстве и скульптуре появляется асимметрия и динамика, архитектура богато декорирована, формируются первые оркестры, расцветает культура музыкальной импровизации. Классицизм и ампир повторяют

тенденции Античности и Возрождения, но отвечают идеологии барокко. Эпоха Просвещения создает другие идеалы: разум – это основа жизни, культура становится рациональной. Возвращается строгая симметрия, скульптура повторяет античную, в музыке появляются соната, симфония, концерт.

Конец XIX века приносит импрессионизм как противоположность классицизму. Темп жизни ускорился, человек ищет свободу и видит красоту в моменте. Развитие транспорта сокращает расстояния, изобретение фотографии закрепляет стремление запечатлеть настоящее. Модернизм логично продолжает импрессионизм, возникнув как ответ на кризис рубежа XIX–XX веков. Промышленность, рабочий класс, разрушение феодальных перегородок формируют новые социальные отношения. Искусство стремится показать мысли и чувства, сложные формы заменяются геометрией.

Однако вера в прогресс и разум пошатнулась в XX веке. Комбинация СМИ и развитой промышленности породили «культуру массового потребления». Разочарование в идеалах модернизма показало то, насколько уязвим человек, а это значит, что от современного мира, жестокого и циничного, можно защититься только таким же цинизмом. Борьба в открытую – моветон, пороки надо высмеивать, на фундаменте сарказма строится новое искусство. Размывается граница плохого и хорошего, мораль в произведениях часто показана серой. Основная тенденция этого времени – лицемерие и цинизм, что чаще проявляется в кино и литературе.

И модернизм, и постмодернизм являлись ответом на закономерный вопрос человека: «Как жить в этой новой постоянно меняющейся реальности?». Идеалы модернизма оказались слишком хрупкими и эфемерными. Постмодернизм же выступал как защитный механизм, однако, разрушая старые идеалы и принципы, он не предлагал ничего нового. Очевидным решением кризиса культуры стал метамодернизм – «новая искренность». Его суть заключается в постоянном движении маятника от искренности к сарказму. Философия жизни строится вокруг идеалов модернизма, однако человек отдает себе отчет в том, что жизнь противоречива, а значит, и идеалы искренности могут быть разрушены. В целом весь метамодернизм – это искусство гармонии противоречий.

На основании проведенного исторического анализа можно сделать следующие выводы. Каждая последующая идея либо развивает прошлую до своего логического завершения, либо является полной противоположностью как ответ на изжившие себя принципы и парадигмы. В случае же метамодернизма нельзя сказать, что он непосредственно развивает какую-то конкретную идею или же предлагает совершенно новый подход. Наоборот, он представляет собой синтез противоречивых направлений, постоянно сменяющих друг друга. Именно это и послужило размытию тенденций в современном искусстве.

Литература

1. Толстикова, И. И. Мировая культура и искусство: учебное пособие / И. И. Толстикова; под науч. ред. А. П. Садохина. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 418 с.
2. История музыки. [Электронный ресурс] / https://znaniyurussia.ru/articles/История_музыки

Астафьев В.А.

Научный руководитель: доцент, к.п.н., доцент кафедры СГПД Фомина О.Е.
*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
E-mail: astafjevslav@yandex.ru*

Влияние неформальных молодежных объединений на формирование девиантного поведения

В условиях социальной трансформации и цифровизации всех сфер жизни проблема вовлечения молодежи в неформальные объединения приобретает особую актуальность. Молодые люди, переживающие период активного поиска идентичности и социального признания, оказываются наиболее восприимчивы к влиянию как позитивных, так и деструктивных субкультур. Как отмечается в исследованиях, в настоящее время фиксируется значительный рост числа деструктивных молодежных групп, пропагандирующих противоправные действия и девиантное поведение [3; 5]. Цель данной работы — выявление факторов, способствующих трансформации молодежных субкультур из позитивных форм самовыражения в деструктивные практики, а также определение направлений профилактической работы.

Молодежная субкультура представляет собой особую форму социальной активности, которая отличается от традиционных институтов социализации. По мнению кандидата социологических наук П. Горюнова, для молодого человека субкультура выступает альтернативным форматом социализации, а для общества — явлением, выходящим за рамки устоявшихся канонов в момент своего возникновения [6]. Любая субкультура обладает специфическим набором атрибутов и символов, понятных только ее представителям, а также создает собственный творческий продукт — музыкальные направления, литературу, идеологические концепции [6].

По характеру оказываемого влияния современные молодежные субкультуры можно разделить на три основные категории. К субкультурам положительной направленности относят хип-хоп, паркур, стрейт эдж, аниме-культуру, стимпанк. Социально опасными (деструктивными) признаются такие течения, как АУЕ, колумбайн, скинхеды, зацеперы, офники. Пограничное положение занимают хипстеры, вейперы, ультрас, блогеры [8].

Анализ научной литературы и практики профилактической работы позволяет выделить комплекс факторов, способствующих вовлечению молодых людей в деструктивные субкультуры. К ним относятся психолого-возрастные особенности личности, в частности потребность в самоутверждении и поиске острых ощущений; внутрисемейные проблемы и дефицит эмоционального контакта с родителями; трудности социализации и негативный опыт взаимодействия со сверстниками и педагогами; психологические внутриличностные проблемы, включая депрессивные переживания и низкую самооценку; а также негативное влияние средств массовой информации и социальных сетей, формирующих привлекательный образ «героических поступков» [3].

Особую роль в распространении деструктивных субкультур играют цифровые технологии. Современные информационные технологии в виде интернета и социальных сетей обеспечивают практически мгновенное распространение идей и оповещение большого числа заинтересованных лиц, что приводит к быстрому массовому всплеску интереса и столь же быстрому затуханию [6]. Участники деструктивных группировок нередко снимают свои противоправные действия на видео и публикуют их в сети для получения просмотров и лайков, что формирует искаженные представления о социально приемлемых формах поведения [3].

Характерной чертой современных молодежных субкультур является их двойственная природа: практически любое неформальное объединение может содержать как позитивные, так и негативные элементы. Исследователи отмечают, что в каждой субкультуре почти всегда присутствуют обе составляющие [6]. Например, движение хиппи дало миру множество

талантливых музыкантов и художников, но при этом пропагандировало свободные сексуальные связи и употребление наркотиков. Субкультура скинхедов, воспринимавшаяся исключительно негативно, тем не менее насаждала среди своих представителей здоровый образ жизни [6].

В настоящее время наиболее опасными деструктивными течениями, распространенными на территории Российской Федерации, признаются: АУЕ (арестантское уркаганское единство) — движение, пропагандирующее среди молодежи тюремные понятия, законы, воровской кодекс и романтизирующее криминальный образ жизни; с 2020 года оно признано экстремистским и запрещено в России [2; 3]; колумбайнеры — последователи идеологии массовых убийств в учебных заведениях, рассматривающие насилие как способ решения личных проблем [3]; зацеперы — движение, пропагандирующее опасный способ передвижения на поездах, связанный с высоким риском травматизма и гибели [3]; офники (околофутбольные фанаты) — объединения, организующие договорные драки и противоправные акции [3]; «поясни за шмот» — движение, пропагандирующее право участников требовать от прохожих объяснений по поводу их внешнего вида и применять насилие [3].

Противодействию вовлечению молодежи в деструктивные субкультуры требует комплексного подхода, объединяющего усилия семьи, образовательных учреждений и государственных структур. В научной литературе выделяются следующие направления профилактической работы: понимание и уважение к потребностям молодых людей, поиск конструктивных альтернатив для самовыражения; установление доверительных отношений между взрослыми и подростками; использование позитивных ролевых моделей и наставничества; предоставление альтернативных форм активности (спорт, творчество, волонтерство); применение когнитивно-поведенческих техник в работе с молодежью группы риска [9].

Важнейшим направлением профилактики выступает формирование у молодежи критического мышления и медиаграмотности, позволяющих распознавать деструктивный контент и противостоять манипулятивным технологиям [1; 3]. В образовательных учреждениях необходимо создание безопасной среды, способствующей позитивной социализации и формированию устойчивых нравственных ориентиров [7].

Таким образом, молодежные субкультуры представляют собой сложное и многогранное явление, которое может оказывать как позитивное, так и деструктивное влияние на формирование личности. Основными факторами трансформации субкультур в деструктивное русло выступают психологическая уязвимость молодежи, внутрисемейное неблагополучие, трудности социализации и активное влияние цифровой среды, романтизирующей противоправное поведение. Эффективная профилактика вовлечения молодежи в деструктивные объединения требует комплексного подхода, включающего диагностику факторов риска, формирование критического мышления, создание альтернативных форм позитивной активности и развитие института наставничества. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методик раннего выявления склонности молодежи к деструктивным субкультурам и оценка эффективности различных моделей профилактической работы.

Литература

1. Бородин Д.Ю. Деструктивные молодежные течения: круто или опасно? // Центр профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма ТвГУ. 2024. 12 марта. URL: <https://stopterror.tversu.ru/news/31754> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Гунина О.А. Молодежные субкультуры в России: материалы круглого стола // Московский гуманитарный университет. 2025. 2 октября. URL: <https://mosgu.ru/news/?ID=135878> (дата обращения: 22.03.2026).
3. Сучкова И. Молодежные деструктивные субкультуры как угроза современному обществу // Владивостокский государственный университет. 2024. 20 октября. URL: <https://www.vvsu.ru/news/199095/> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Сайдякова Л.А., Костина Т.Н. Мир молодежных субкультур // КГБУ СО «КЦСОН «Каратузский». 2025. 13 ноября. URL: <https://cson->

karatuz.ru/2025/11/13/%d0%bc%d0%b8%d1%80-%d0%bc%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b4%d0%b5%d0%b6%d0%bd%d1%8b%d1%85-%d1%81%d1%83%d0%b1%d0%ba%d1%83%d0%bb%d1%8c%d1%82%d1%83%d1%80/ (дата обращения: 22.03.2026).

5. Горюнов П. Квадроберы – это в большей степени эффект паники со стороны старшего поколения // Культура Петербурга. 2025. 18 февраля. URL: <https://spbcult.ru/articles/intervyu/pavel-goryunov-kvadrobbery-eto-v-bolshey-stepeni-effekt-paniki-so-storony-starshego-pokoleniya/> (дата обращения: 22.03.2026).

6. Цымбал Е.В. Деструктивные молодежные субкультуры. Экстремистские субкультуры // Муниципальное образование городской округ Енакиево. 2025. 8 апреля. URL: https://enakievor897.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_10607.html (дата обращения: 22.03.2026).

7. Герт Е.В. Неформальные молодежные группы, их поведение и ответственность // ГУ ТО «СРЦН №6». 2024. 28 марта. URL: <https://xn---6-bmcle5a.xn--p1ai/novosti-tsentra/novosti-2024/kireevsk-2024/31-news-2024-kir/1582-neformalnye-molodezhnye-gruppy-ikh-povedenie-i-otvetstvennost> (дата обращения: 22.03.2026).

8. Погребная С.К., Храмов Е.А., Демидова Т.Ю. Современные тенденции вовлеченности подростков в молодежные субкультуры с различным уровнем деструктивности // Психология личностного взаимодействия в современном обществе: сборник трудов конференции. Чебоксары: ИД «Среда», 2025. URL: <https://phsreda.com/cv/keyword/79068/articles> (дата обращения: 22.03.2026).

9. Васина А.В. Влияние молодежных субкультур на подростка // ГБУ «Кировский ЦСПСД «Паруса надежды». URL: <http://kirovzt.ru/articles/22911> (дата обращения: 22.03.2026).

Астафьев В.А.

Научный руководитель: к.п.н., доцент Сафонова Т.Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
E-mail: astafjevslav@yandex.ru

Социальные представления о материнстве и отцовстве современной молодежи

Актуальность темы обусловлена изменениями, происходящими в институте семьи, структуре занятости и цифровой среде. Эти изменения требуют пересмотра подходов к формированию у молодежи готовности к родительству[1]. Для социальной педагогики важно выяснить, какие знания и установки складываются у молодых людей, какие ресурсы они оценивают как достаточные, а какие — как дефицитные[5]. Результаты такого анализа позволяют выстраивать адресную профилактическую и просветительскую работу. Несмотря на наличие исследований, посвященных родительству, сохраняются пробелы: недостаточно изучены представления молодежи малых городов, слабо проработана связь между знаниями о мерах поддержки и реальной готовностью к родительству, отсутствует единая модель для диагностики этих представлений.

Понятийный аппарат исследования строится на трех уровнях: юридическом (права и обязанности родителей), социокультурном (нормы, ценности, ролевые ожидания) и психологическом (мотивация, готовность, эмоциональный контакт)[3]. В современной науке родительство рассматривается не как фиксированный набор биологических или юридических признаков, а как система практик, норм и взаимных ожиданий[2]. Материнство понимается как женская родительская роль, включающая уход и эмоциональную поддержку. Отцовство — как мужская родительская роль, ориентированная на участие в повседневной жизни ребенка и совместное принятие решений. Ключевым понятием становится партнерское родительство, при котором обязанности распределяются гибко в зависимости от ресурсов и договоренностей членов семьи[2].

Эволюция представлений о родительстве в отечественном контексте прошла несколько этапов. Патриархальная модель с жестким разделением сменялась советской, где государство брало на себя часть функций воспитания. С середины 2000-х годов происходит переориентация на поддержку семей с детьми, формируется образ вовлеченного отца. Цифровая среда становится значимым каналом трансляции знаний о родительстве, что приводит к разнообразию моделей, доступных для наблюдения и усвоения молодежью[4].

Теоретический анализ позволяет выделить несколько подходов к изучению родительства. Социологический подход делает акцент на институциональных рамках: нормах, санкциях, доступных сервисах. Гендерная перспектива объясняет распределение заботы и заработка через сложившиеся представления о мужественности и женственности[2]. Экономический анализ фиксирует, как ограниченность времени и ресурсов влияет на семейные стратегии. Каждый из этих подходов вносит вклад в понимание того, почему представления молодежи о родительстве складываются именно таким образом.

Эмпирические исследования последних лет показывают, что молодежь на уровне деклараций поддерживает модель равного распределения обязанностей[4]. Однако при переходе к конкретным ожиданиям сохраняется перекос в сторону материнского ухода. Знание мер государственной поддержки носит фрагментарный характер: общие названия известны многим, детали процедур и условия получения — меньшинству[1]. Основными каналами информации выступают социальные сети и ближайшее окружение. Официальные источники используются реже, но их применение связано с более высокой точностью знаний. Различия между молодыми мужчинами и женщинами проявляются в оценке нагрузки: женщины чаще указывают на сложности совмещения ухода и занятости[2].

В результате теоретического анализа установлено, что представления о материнстве и отцовстве у современной молодежи формируются под воздействием нескольких групп

факторов. К ним относятся нормативные установки, закрепленные в праве и публичном дискурсе; каналы социализации, включая семью, происхождение, образование и медиасреду; индивидуальные ресурсы и оценка их достаточности. Ценность родительства остается высокой, при этом ожидания в отношении распределения ролей смещаются в сторону паритетной модели[4]. Готовность к родительству сдерживается прежде всего неопределенностью в вопросах ресурсов (жилье, доход, время) и недостаточной информированностью о реальных мерах поддержки[1][2]. Полученные выводы могут служить основой для разработки диагностических инструментов и программ социально-педагогического сопровождения молодежи[5].

Литература

1. Гурко Т.А. Семейная политика в современной России: учебник. — М.: Проспект, 2020. — 320 с.
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендер и родительство: социальные практики и дискурсы: монография. — СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — 360 с.
3. Кон И.С. Ребенок и общество: учебное пособие. — М.: Академия, 2003. — 336 с.
4. Мамишев Т.А. Социальные представления о моделях родительства в современном обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15, № 3.
5. Мартынова О.С. Социально-педагогическая диагностика личности: методология и методы: учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2021. — 256 с.

Бойцова Л.С.

Научный руководитель: к.т.н., доцент кафедры СГПД Макаров М.В.
*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
E-mail: lina.boicova@yandex.ru*

Кумулятивный эффект экзаменационного стресса у старшеклассников: динамика мотивации, психосоматические проявления и направления психологической помощи

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) стал ключевым этапом, определяющим дальнейшую траекторию выпускника, что формирует повышенную психологическую нагрузку на весь учебный год [2]. В соответствии с ФГОС, особое внимание уделяется психологическому благополучию обучающихся [1]. Однако большинство исследований фиксируют состояние учащихся лишь в день экзамена, тогда как накопительный (кумулятивный) эффект стресса, длящийся восемь-девять месяцев, остаётся недостаточно изученным [2]. Именно продолжительность стрессового воздействия, а не сложность экзамена, объясняет тяжёлые последствия для здоровья выпускников.

Важно подчеркнуть, что кумулятивный эффект означает не просто сумму стрессовых воздействий, а их качественное усиление с течением времени. Каждый последующий месяц подготовки добавляет напряжение не арифметически, а геометрически, поскольку психика не успевает восстанавливаться между периодами интенсивной нагрузки. Это приводит к тому, что даже незначительное дополнительное стрессовое событие (например, низкий балл за пробный экзамен) может вызвать непропорционально сильную реакцию вплоть до эмоционального срыва [2].

Экзаменационный стресс включает четыре компонента [7]. Эмоциональный - тревога, страх, раздражительность. Ситуативная тревожность у старшеклассников часто превышает личностную, что говорит о её прямой связи с экзаменами [5]. Физиологический - активация симпатической нервной системы, повышение кортизола, учащение пульса [7]. Поведенческий - нарушения сна, снижение активности, сужение круга общения [2]. Когнитивный - трудности концентрации, ухудшение памяти, навязчивые мысли о провале [3].

Под влиянием длительного стресса меняется учебная мотивация. Внутренняя (интерес к познанию) постепенно вытесняется внешней (стремление сдать, избежать наказания) [3]. К концу года доминирует желание «не провалиться» [4]. Сдвиг происходит волнообразно: после пробных экзаменов тревога то спадает, то нарастает, что истощает психику быстрее равномерного давления [2].

Особого внимания заслуживает тот факт, что описанная трансформация мотивации часто остаётся незамеченной самими учащимися и их родителями. Подростки не осознают, что их интерес к учёбе снизился именно из-за хронического стресса, и интерпретируют своё состояние как «лень» или «неспособность». Это приводит к самокритике и дополнительному чувству вины, которое, в свою очередь, усиливает стресс. Таким образом, формируется замкнутый круг: стресс снижает мотивацию, отсутствие мотивации воспринимается как личная неудача, что усиливает стресс и ещё больше подрывает желание учиться [3; 5].

Длительное напряжение приводит к соматическим нарушениям. При хроническом стрессе организм не успевает восстанавливаться [2]. У старшеклассников это проявляется в нарушениях сна, головных болях, дискомфорте в ЖКТ, мышечном напряжении, учащённом сердцебиении [7]. Девушки чаще рефлексируют своё состояние, юноши реже вербализуют симптомы, что создаёт иллюзию их большей устойчивости [5].

Факторы, усиливающие стресс: индивидуально-психологические (тревожность, самооценка, локус контроля), социальные (давление родителей и учителей), организационные (неопределённость процедуры) [2; 3]. Чем меньше человек может влиять на ситуацию, тем сильнее стресс [2].

Ключевой ресурс совладания - осознанные копинг-стратегии. Активные стратегии (планирование, поиск поддержки, положительная переоценка) связаны с благополучием, пассивные (избегание, откладывание) - с тревожностью и соматикой [6].

Эффективными формами сопровождения являются групповые тренинги по саморегуляции и просветительские встречи с родителями [6]. Конкретные техники: дыхательные упражнения, мышечная релаксация, метод «5-4-3-2-1», когнитивная переоценка [6]. Дополнительный ресурс - регулярная физическая активность [7].

Таким образом, экзаменационный стресс - пролонгированное состояние с кумулятивным эффектом, недооценённым в практике сопровождения. Мотивация трансформируется: внутренняя вытесняется внешней [3]. Психосоматические симптомы — индикаторы истощения [2]. Ведущие факторы риска - неопределённость и давление взрослых. Эффективная помощь должна включать диагностику, формирование активных копинг-стратегий и работу с родителями.

Литература

1. Битянова М.Р. Психология личностного роста. - М.: Международная педагогическая академия, 2021. - 180 с.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. - М.: ПЕР СЭ, 2006. - 528 с.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. - М.: Смысл, 2015. - 334 с.
4. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. - М.: Просвещение, 2016. - 192 с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков. - М.: МПСИ, 2019. - 304 с.
6. Шишмарева Л.В. Эмпирическое исследование субъективного благополучия и копинг-стратегий подростков // Мир науки. Педагогика и психология. - 2024. — Т. 12. - № 2.
7. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. - СПб.: Питер, 2020. - 256 с.

Коробкова Л.С.

Научный руководитель: Тимаков К.И.

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
Владимирской области «Муромский государственный педагогический институт»*

*г. Муром, ул. Карла Маркса, д. 24
lyuba.korobkova06@mail.ru*

Подвижная игра как средство формирования межличностных отношений у детей старшего дошкольного возраста

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что проблема формирования межличностных отношений у детей старшего дошкольного возраста является одной из ключевых в современной педагогике и психологии, поскольку именно в этот период закладываются основы личности и навыки общения [2]. Однако всё большее распространение гаджетов у дошкольников вытесняет реальное общение и негативно влияет на развитие социальных навыков. По данным исследований 2023 года, 42% детей 3–6 лет имеют собственный смартфон или планшет, а цифровая активность детей 5–10 лет достигает 3–5 часов в сутки, тогда как согласно СанПиН дошкольникам разрешено проводить за экраном не более 10–30 минут в день [3]. При этом, несмотря на большой потенциал подвижных игр для развития межличностных отношений, в практической деятельности педагогов дошкольных учреждений с этой целью они используются недостаточно. Нами было выявлено противоречие между потенциальными возможностями подвижных игр и их недостаточным применением для развития межличностных отношений старших дошкольников.

Проблема исследования: какие подвижные игры будут способствовать развитию межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста? Цель исследования: выявить и апробировать комплекс подвижных игр, способствующих развитию межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста. Объект: развитие межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста. Предмет: подвижные игры как средство развития межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста.

Наше исследование проводилось на базе одного из детских садов Владимирской области с участием 25 детей старшего дошкольного возраста. Для первичной диагностики использовалась проективная методика «Два домика» Е. А. Абрамовой [1]. Результаты которой показали, что среднее количество положительных выборов в группе составило 4,44. Двое детей получили статус «звезда», трое — «предпочитаемые», остальные 20 детей — «оттесненные». Для углублённого изучения нами были отобраны десять детей с наиболее низкими показателями выборов в группе. Для дальнейшей диагностики нами была использована методика «Лабиринты» Е. Е. Кравцовой с целью изучения сотрудничества со сверстниками [1]. Анализ полученных результатов показал, что второй тип сотрудничества, для которого характерно подражание партнёру без согласования характерен для двоих детей. Третий тип - ситуативное взаимодействие выявлен у пятерых детей. И четвёртый тип - кооперативно-соревновательный, где партнёр воспринимается, как противник был выявлен у троих детей. Пятый (возникновением подлинного сотрудничества и партнерства в ситуации общей задачи) и шестой (наиболее высокий из всех уровней сотрудничества) типы не были выявлены ни у одного из дошкольников.

На втором этапе нашего исследования нами была подобрана и апробирована серия подвижных игр: «Заколдованная тропинка» (умение работать в команде, оказывать поддержку); «Паровозик» (сплочение группы, синхронность действий); «Ручеёк» (выбор партнёра, налаживание контакта); «Комплименты» (умение говорить приятные слова); «Дракон кусает свой хвост» (согласованность, взаимопомощь); «На мостике» (развитие ловкости, способности прогнозировать ситуацию, соотносить свои действия с действиями партнера для достижения общей цели); «Квадрат» (формирование групповой сплоченности); «Я хочу с тобой подружиться» (сплочение, установление доверительного контакта между детьми); «Хромой ведет слепого» (установление доверительного контакта между детьми) [4]. Игры проводились нами в течение двух недель по 15–20 минут ежедневно. Дети с удовольствием включались в

игры, просили повторять наиболее понравившиеся («Заколдованная тропинка», «Паровозик», «Ручеёк»), а затем начали играть в них самостоятельно. Наблюдалось сплочение коллектива: дети стали чаще играть вместе, включать в игры тех сверстников, с которыми раньше не взаимодействовали.

На третьем этапе нашего исследования нами была проведена итоговая диагностика с использованием тех же методик: проективная методика «Два домика» Е. А. Абрамовой и методика «Лабиринты» Е. Е. Кравцовой [1]. В результате нами были выявлена положительная динамика. По методике «Два домика» среднее количество положительных выборов увеличилось с 4,44 до 5,8. Статус «звезды» не зафиксирован ни у кого из детей (ранее было двое), количество «предпочитаемых» увеличилось с трех до десяти, количество «оттесненных» сократилось с 20 до 15. По данным полученным при повторной диагностике по методике «Лабиринты»: второй тип сотрудничества исчез полностью (ранее был у двоих детей), третий тип был выявлен у шести детей (ранее был у пятерых детей), четвёртый тип — у троих детей (ранее был у троих детей) и пятый тип был выявлен у одного ребенка (ранее это тип сотрудничества не выявлялся).

Таким образом, можно говорить, что учитывая современные реалии, в том числе широкое распространение гаджетов среди дошкольников, которое вытесняет реальное общение и негативно влияет на формирование социальных навыков, работа по развитию межличностных отношений приобретает особую актуальность. Наша работа была направлена на поиск эффективных и доступных средств формирования межличностных отношений, которые могли бы быть использованы в своей работе педагогами дошкольных учреждений. В процессе нашего исследования нами был апробирован комплекс подвижных игр, способствующих развитию межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста. Проведённая итоговая диагностика подтвердила положительные изменения.

Литература

1. Гонина О.О. Психология дошкольного возраста: учебник и практикум для вузов/ О.О. Гонина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 425 с.
2. Изотова Е.И. Психология дошкольного возраста: учебник и практикум для вузов/ Е.И. Изотова, Т.П. Авдулова, Г.Р. Хузеева [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 437 с.
3. Репина, Т.А., Мухина, Т.К. Особенности межличностных отношений детей дошкольного возраста / Т.А. Репина, Т.К. Мухина. – М., 2021
4. <https://solncesvet.ru/blog/psihologiya-i-vospitanie/mezhlichnostnye-otnosheniya-detej/>

Курочкина В.М.

Научный руководитель: к.п.н., доцент каф. СГПД Фомина О.Е.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23

E-mail: valeriya.kurochkina2005@gmail.com

Психологическая устойчивость семейной системы в условиях современных вызовов: контекстуальный анализ межличностных отношений

В условиях нарастающей социально-экономической нестабильности, информационной перегрузки и трансформации традиционных ценностей семья как малая группа испытывает беспрецедентное давление. Способность сохранять эмоциональную близость и конструктивно преодолевать трудности становится важнейшим условием благополучия ее членов. Психологическая наука все чаще обращается к изучению факторов, которые помогают семье не только выживать, но и развиваться в стрессовых обстоятельствах. При этом недостаточно исследованным остается вопрос о том, как разные уровни социального контекста — от культурных установок до паттернов общения, усвоенных в детстве — влияют на динамику супружеских и детско-родительских отношений после пережитых неблагоприятных событий.

Современная семья функционирует в обстановке высокой неопределенности и сталкивается с множеством вызовов: от финансовых трудностей до кризиса межпоколенческих связей. В психологии семью принято рассматривать не только как общественный институт, но и как сложную самоорганизующуюся систему, целостность которой обеспечивается характером межличностных отношений [5, с. 12]. Изучение механизмов, позволяющих сохранять сплоченность перед лицом невзгод (так называемая жизнеспособность семьи), приобретает особую значимость [8, с. 92].

Проблематика семьи и межличностных отношений имеет глубокие корни в психологической науке. основополагающие идеи были сформулированы еще В.М. Бехтеревым, который рассматривал общение как главный механизм объединения людей и социализации индивида [6, с. 20]. В дальнейшем В.Н. Мясищев развил представление о единстве внешнего взаимодействия и внутренних взаимоотношений, подчеркивая, что личность формируется именно через опыт общения [6, с. 22].

Важнейшей вехой в понимании фундаментальных основ семейных отношений стала теория привязанности Дж. Боулби. Он доказал, что эмоциональные связи, возникающие в раннем детстве с родителями, служат прообразом для всех последующих отношений человека [4, с. 25]. М. Эйнсворт эмпирически подтвердила эту теорию, выделив различные типы привязанности [4, с. 25]. Применительно к супружеским отношениям идеи Боулби развили К. Хазан и Ф. Шейвер, показавшие, что романтическую любовь можно рассматривать как разновидность процесса привязанности [4, с. 26]. Исследования О.А. Кондрашихиной также подтверждают: ненадежная привязанность к родителям в детстве коррелирует с повышенной тревожностью и неуверенностью в близких отношениях у взрослых [4, с. 48].

Системный взгляд на семью наиболее полно представлен в работах Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса, которые ввели понятие «патологизирующего семейного наследования», описали структуру семейных ролей, особенности коммуникаций и механизмы воздействия стрессоров [5, с. 10]. Л.Б. Шнейдер в своих эмпирических исследованиях акцентирует необходимость комплексного анализа супружеских и детско-родительских отношений как части субъективно-психологической реальности [3, с. 15; 7, с. 20].

Современные научные работы все чаще опираются на контекстуальный подход. М.А. Одинцова с соавторами предлагают анализировать влияние на семью макроконтекста (связь с культурой), мезоконтекста (тип и тяжесть неблагоприятных событий) и микроконтекста (особенности эмоциональных коммуникаций и копинг-стратегии) [8, с. 94]. Их исследование, опубликованное в 2025 году, демонстрирует, что утрата является единственным типом трудной жизненной ситуации, способным нивелировать негативное влияние семейных дисфункций,

тогда как критика и подавление эмоций в родительской семье ведут к дистанцированию при столкновении с трудностями [8, с. 102]. Таким образом, эволюция взглядов идет от изучения отдельной личности в семье к анализу семьи как открытой системы, вписанной в широкий социальный и культурный контекст.

На основании данных кросс-культурного исследования, проведенного на выборке из 2119 респондентов из России и Беларуси [8, с. 95], можно проследить, как различные контекстуальные факторы связаны с изменением семейных отношений (сплочение либо дистанцирование) после переживания семьей трудных жизненных событий (ТЖС).

Возраст участников варьировался от 18 до 86 лет ($M=31,6$; $SD=12,7$). Диагностический комплекс включал методики, охватывающие три уровня контекста: макроконтекст (связь с культурой): проективная методика «Пространство дерева и света» (К. Адамс в адаптации М.А. Одинцовой и др.) [4, с. 48]; мезоконтекст (ТЖС): анкетирование для определения типа события (болезнь, утрата, конфликт, материальные трудности) и субъективной оценки его тяжести и микроконтекст: опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (оценка критики, подавления эмоций в родительской семье) и методика COPE-30 для выявления доминирующих копинг-стратегий [8, с. 96]. Зависимая переменная — изменение семейных связей — оценивалась по Шкале оценки жизнеспособности семьи, где респонденты указывали, стали ли отношения после события «более близкими», «остались прежними» или «стали более дистантными».

В таблице 1 представлено обобщенное влияние контекстуальных факторов на динамику отношений.

Таблица 1. Влияние контекстуальных факторов на динамику семейных отношений

Контекст	Фактор	Влияние на отношения («более дистантные»)	Влияние на отношения («более близкие»)
Макро	Восприятие культуры как прочной основы	Снижает вероятность	Увеличивает вероятность
Мезо	Высокая интенсивность / тяжесть события	Двойственное влияние (зависит от типа)	Двойственное влияние (зависит от типа)
	Тип события: утрата	Снижает негативный эффект дисфункций	Способствует сплочению
Микро	Критика и подавление эмоций в родительской семье	Значительно увеличивают вероятность	Снижают вероятность
	Копинг: поиск социальной поддержки	—	Ключевой ресурс для

Анализ показал, что большинство опрошенных воспринимают свою культуру как ресурс, помогающий сохранять семейные связи в трудные времена (макроконтекст). Однако решающую роль играет микроконтекст. У респондентов, выросших в семьях с высоким уровнем критики и подавления эмоций, вероятность дистанцирования при столкновении с болезнью или конфликтом значительно выше. Интересно, что утрата (смерть близкого) выступает мощным фактором сплочения даже для дисфункциональных семей, что, вероятно, связано с актуализацией глубинных механизмов взаимопомощи [8, с. 104]. Ключевым ресурсом

упрочения связей признан копинг «поиск социальной поддержки», который позволяет семье выйти за пределы собственной системы и получить необходимые ресурсы извне.

Обобщая полученные данные, можно сформулировать следующие выводы: психологическая устойчивость семьи представляет собой динамическое качество, которое изменяется под влиянием сочетания факторов макро-, мезо- и микроконтекста, а не является неизменной характеристикой. Качество эмоциональных коммуникаций, усвоенное в родительской семье (микроконтекст), выступает важнейшим предиктором того, как индивид будет выстраивать отношения в собственной семье в условиях стресса. Тип трудной жизненной ситуации выполняет модернизирующую функцию: события, связанные с утратой, обладают уникальным потенциалом к сплочению даже при наличии предшествующих дисфункций.

Обучение членов семьи стратегиям поиска социальной поддержки и конструктивному выражению эмоций является перспективным направлением психологической профилактики и коррекции. Также необходима разработка и валидизация психотерапевтических программ, направленных на повышение жизнеспособности семьи и коррекцию неконструктивных типов привязанности, что особенно важно в условиях современного быстро меняющегося мира.

Литература

1. Сулова Т.Ф., Шаповаленко И.В. Психология семьи с основами семейного консультирования: учебник и практикум для вузов. — Москва: Юрайт, 2025. — 343 с.
2. Гозман Л.Я., Слуцкий В.М. Социально-психологический анализ феномена близких взаимоотношений // Вопросы психологии. — 1987. — № 2. — С. 168–170.
3. Шнейдер Л.Б. Семейная проблематика в эмпирических исследованиях: практическое пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 317 с.
4. Кондрашихина О.А. Тип привязанности к родителям и межличностные отношения у студентов-психологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2025. — Т. 25, вып. 1. — С. 47–55. DOI: 10.18500/1819-7671-2025-25-1-47-55
5. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. — 4-е изд. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — 672 с.
6. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. — Москва: Питер, 2023. — 576 с.
7. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. Эмпирические исследования: практическое пособие для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 317 с.
8. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В. Роль контекстуальных факторов в изменении семейных отношений при высокой интенсивности неблагоприятных событий // Социальная психология и общество. — 2025. — Т. 16, № 4. — С. 90–108. DOI: 10.17759/sps.2025160406

Логашов А.А.

Руководитель: к.и.н. доцент Кузнецов И.В.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
E-mail: logashov.a.2007@gmail.com

Почему в СССР не было оригинальных школ автомобилестроения?

Современный отечественный автопром часто критикуют за качество продукции, отставание от западных конкурентов, отсутствие оригинальности, скудность и стагнацию модельного ряда автомобилей. Но эти проблемы взяли своё начало ещё в СССР, когда в нём только происходило формирование автомобильной промышленности. Целью данной работы является найти причины, которые помешали созданию оригинальных школ автомобилестроения в Советском Союзе.

В СССР экономика была плановой, в том числе в Министерстве автомобильной промышленности. Автозаводы работали по госзаказу, который формировался в условиях дефицита автомобильного рынка, удовлетворении спроса в первую очередь развивающейся промышленности, сельского хозяйства и армии. Большинство ресурсов шло на развитие оборонной промышленности, оставляя гражданское автомобилестроение по остаточному принципу, а армия больше нуждалась в грузовых автомобилях. Поэтому создание уникальных конкурентоспособных моделей легковых автомобилей не являлось приоритетом. Из этого вытекали все последующие причины.

Автопроизводители не конкурировали между собой, поэтому у них не было стимула бороться за покупателей созданием революционных моделей, важнее было выполнить план по выпуску уже существующих. Также СССР не ставил перед собой задач увеличить долю на мировом автомобильном рынке, поставки за рубеж осуществлялись ограниченными партиями. Фактор конкуренции с мировыми автопроизводителями не оказывал влияния на советский автопром.

Серьёзной проблемой для СССР был недостаток средств на модернизацию автомобильной промышленности, что сказывалось на качестве продукции, например, использовались дешёвые материалы и сырьё. Также из-за этого автопроизводители вместо долгосрочных инвестиций в развитие собственной технической базы, отдавали предпочтение закупке готовых зарубежных лицензий и технологий, которые уже устарели на родине, что создало тенденцию отставания автомобильной промышленности СССР от других стран. Но нехватка бюджета была не единственной причиной, это произошло и из-за того, что в начале индустриализации существовал дефицит инженерных кадров, поэтому приходилось прибегать к заимствованию готовых решений у западных коллег, а когда появились собственные специалисты, эта практика уже стала традицией.

Из-за ориентации плановой экономики на выпуск определённого количества продукта произошла стагнация рынка, так как заводы выпускали одну и ту же удачную модель без существенных доработок. Им было невыгодно экспериментировать и значительно улучшать товар, так как это потребовало бы улучшения или создания новых производственных мощностей, времени на тестирование, существовал риск некупаемости такой модели и невыполнения заданного плана по выпуску. Поэтому зачастую продукт незначительно улучшали или добавляли несколько функций. Если получалось разработать перспективные наработки, то от них обычно отказывались.

Данная ориентированность автопроизводителей на доработку уже существующих решений, вместо формирования независимых конструкторских школ, привела к эффекту «догоняющего развития». Каждая последующая модернизация временно сокращала разрыв с мировыми лидерами, но не создавала базы для технологического прорыва.

Это коснулось не только технических характеристик автомобилей, но и их дизайна. Его заимствовали или покупали у западных производителей, унифицировали. Это помешало

формированию уникальной “эстетической школы”, что привело к отсутствию собственных уникальных, запоминающихся дизайнов.

Но мелкие производители, которые не подчинялись Министерству автомобильной промышленности, иногда создавали смелые модели. В пример можно привести автомобиль “Старт”, произведённый на Северодонецкой ремонтной базе. Он имел кузов из стеклопластика, интересный дизайн, который всё же был вдохновлён американской стилистикой, но использовал узлы и агрегаты от Газ-21, что и привело к провалу этого проекта. Автозавод “Газ” не захотел поставлять комплектующие из-за стремления выполнить план по производству автомобилей и запасных частей.[1]

Таким образом, основной причиной, помешавшей созданию оригинальных школ автомобилестроения в СССР, является плановая экономика.

Литература

1. 4 загадочных автомобиля СССР – их вы (спорим!) не встречали. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zr.ru/content/articles/939369-3-samykh-zagadochnykh-avtomobilya/> (дата обращения: 25.02.2026).

2. Почему царская Россия и СССР так и не смогли создать конкурентоспособную автомобильную индустрию. [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/cars/pochemu-carskaya-rossiya-i-sssr-tak-i-ne-smogli-sozdat-konkurentosposobnuyu-avtomobilnuyu-industriyu-168020/> (дата обращения: 25.02.2026).

3. История отечественной автомобильной промышленности 1896 - 1985 годов: неопубликованные источники. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-otechestvennoy-avtomobilnoy-promyshlennosti-1896-1985-godov-neopublikovannye-istochniki#:~:text=Он%20отражает%20специфику%20организации%20социалистической%20экономики.%20Подведомственные,смену%20названий,%20Минавтопрому%20предприятия%20замыкали%20на%20себе> (дата обращения: 27.02.2026).

4. Как в СССР решали, какие автомобили производить, в каком количестве и для кого? [Электронный ресурс]. URL: https://www.ixbt.com/live/car/kak-v-sssr-reshali-kakie-avtomobili-proizvodit-v-kakom-kolichestve-i-dlya-kogo.html#:~:text=Теги%20*%20PC.%20*%20автомобили (дата обращения: 27.02.2026).

5. Рожденные в СССР: разработки, которые могли стать легендой, но их зарубили. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.drom.ru/info/misc/71956.html#:~:text=Но%20скорее%20все%20сработали%20все,узнает%20ответа%20на%20этот%20вопрос.> (дата обращения: 28.02.2026).

Мартынов М. К.

Научный руководитель: Сафонова Т. Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
email: m0a7r0k3@gmail.com

Отношение молодежи к браку и разводу

Институт семьи и брака на протяжении всей истории человечества выступал фундаментальной основой общества, обеспечивая его стабильность, воспроизводство и трансляцию культурных ценностей от поколения к поколению. Однако в современных условиях семья как социальный институт переживает глубокие трансформационные процессы, которые с особой остротой проявляются в молодёжной среде. Статистические данные последних лет фиксируют устойчивые тенденции: снижение числа официально регистрируемых браков, увеличение среднего возраста вступления в первый брак, рост количества разводов, а также распространение альтернативных форм семейно-брачных отношений, таких как сожительство, гостевые браки и сознательный отказ от родительства.

Особую тревогу исследователей вызывает противоречивость ценностных ориентаций современной молодёжи в сфере брака: с одной стороны, семья продолжает занимать высокие позиции в иерархии жизненных ценностей молодых людей, с другой – наблюдается толерантное отношение к разводам, неготовность принимать на себя долгосрочные обязательства и откладывание создания семьи на более поздний возраст. Как отмечают исследователи, «в представлениях студенческой молодёжи о браке, мотивах его заключения или отказа от него присутствует гибридизация традиционных патриархальных и эгалитарных сюжетов» [1], что проявляется в сохранении ориентации на семью при одновременном стремлении к индивидуализации и автономии. Демографические последствия этих процессов становятся всё более очевидными. По данным исследователей, «формируется большая группа современной молодёжи с неопределённым брачным статусом» [4], что в сочетании с демографическим сокращением самой возрастной группы ведёт к снижению брачного потенциала страны.

В связи с этим, проблема изучения отношения молодёжи к браку и разводу приобретает не только академическое, но и практическое значение, поскольку именно брачно-семейные установки молодого поколения во многом определяют демографическую перспективу общества.

Теоретические основания изучения брачно-семейных отношений были заложены в трудах классиков социологии – Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, рассматривавших семью как фундаментальный социальный институт. В отечественной науке значительный вклад в исследование семьи и брака внесли А. И. Антонов, С. И. Голод, Т. А. Гурко, В. В. Елизаров, разработавшие концептуальные подходы к анализу трансформации семейно-брачных отношений в российском обществе.

Психологические аспекты готовности молодёжи к браку и семейной жизни исследовались Т. В. Андреевой, С. В. Жолудевой, И. Ю. Зудиной, Е. И. Наговицыной и другими авторами. В работах этих учёных раскрываются структура и компоненты психологической готовности к браку, факторы её формирования, влияние образа родительской семьи на брачно-семейные установки молодёжи.

Современные исследования, проведённые в последние годы (О. С. Кучинская, Н. С. Зимова, Т. С. Неробеева, Е. А. Маннанова, А. А. Никитина, Т. И. Куликова и др.), фиксируют противоречивые тенденции в ценностных ориентациях молодёжи. Так, исследования показывают, что «большинство студентов (82%) имеют низкий уровень нравственной готовности к браку» [2], и лишь 5% демонстрируют достаточную готовность к семейной жизни. При этом выявлены существенные гендерные различия: девушки чаще, чем юноши, ориентированы на брак с конкретным человеком и проявляют более высокую нравственную

готовность, тогда как юноши чаще склонны к «абстрактному браку», не имея чётких критериев выбора партнёра.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется влиянию различных факторов на брачно-семейные установки молодёжи. В частности, изучается роль религиозности: установлено, что «молодые люди, исповедующие ту или иную религию, имеют более традиционные взгляды на брак и создание семьи по сравнению с теми, кто не придерживается никаких религиозных убеждений» [3]. Исследуется также влияние родительской семьи: гипотеза о том, что «у юношей и девушек из полных семей уровень развития психологической готовности к браку выше, чем у юношей и девушек из неполных семей», находит своё подтверждение в эмпирических исследованиях многих учёных-социологов.

Вместе с тем, анализ научной литературы позволяет констатировать, что проблема отношения молодёжи к браку и разводу остаётся недостаточно разработанной. Имеющиеся исследования фрагментарны, отсутствует единый методический инструментарий, позволяющий комплексно оценивать когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты данного отношения. Требуют дальнейшего изучения вопросы о том, какие именно факторы в наибольшей степени детерминируют формирование брачно-семейных установок, какова динамика этих установок на протяжении юношеского возраста, каковы возможности социально-педагогической диагностики в данной сфере.

Проблема исследования заключается в противоречии между высокой значимостью семьи как ценности в сознании молодёжи и реальными поведенческими стратегиями, проявляющимися в откладывании брака, росте числа разводов и распространении альтернативных форм семейных отношений. Данное противоречие требует углублённого теоретического анализа и разработки адекватного диагностического инструментария для изучения отношения молодёжи к браку и разводу.

Объект исследования – отношение молодёжи к браку и разводу как социально – психологический и социально – педагогический феномен.

Предмет исследования – диагностика отношения молодёжи к браку и разводу.

Цель исследования – теоретический анализ и систематизация подходов к диагностике отношения молодёжи к браку и разводу, выявление структуры, факторов и динамики данного феномена.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных теоретических подходов к диагностике отношения молодёжи к браку и разводу; выявлении структуры и компонентов данного отношения; теоретическом обосновании факторов, детерминирующих формирование брачно-семейных установок в молодёжной среде.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты расширяют и углубляют научные представления о специфике отношения современной молодёжи к браку и разводу, о факторах, влияющих на формирование брачно-семейных установок, о возможностях социально-педагогической диагностики в данной сфере.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут быть использованы при разработке программ социально-педагогической профилактики негативных тенденций в семейно-брачных установках молодёжи, в деятельности специалистов по работе с молодёжью, социальных педагогов, психологов.

Литература

1. Белановская М. Л. Проблемы отношения к семье и браку у учащейся молодежи / Психологическое сопровождение образовательного процесса: сборник научных статей. – Минск: РИПО, 2015 г.

2. Бим – Бад Б. М. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого – педагогический анализ: монография / Б. М. Бим – Бад, С. Н. Гавров. – Москва: 2010 г.

3. Бутова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С. Н. Бутова. – Минск: Право и экономика, 2010 г.

4. Волкова А. Н. Методические приёмы диагностики супружеских отношений / А. Н. Волкова, Т. М. Трапезникова // Вопросы психологии: 1985 г.

Платонова М.А.

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Горелов О.С.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ивановский государственный университет»
153025, г. Иваново, Ивановская область, ул. Ермака, 39
maryplatonova2005@gmail.com

К проблеме понимания перформативности высказывания как части поэтического текста

Джон Остин в работе «Как делать вещи при помощи слов» (1962) одним из первых в науке обосновывает явление языковой перформативности. Согласно его теории среди высказываний, обладающих иллокутивной силой, т.е. в едином акте совмещающих произнесение и действие, имеющее внеязыковую цель, выделяются эксплицитные и первичные (имплицитные, неэксплицитные) перформативы. Лексическая составляющая речевых актов, названных первыми, прямо указывает на прямую связь речи и действия («я обещаю, что буду там»), в структуре вторых же нет языковых маркеров перформативности («я буду там»). На недескриптивную природу первичных перформативов указывают различные лингвистические, внешние факторы их реализации: контекст (надпись «опасная зона» в определенном месте), жесты, интонация говорящего и т.п. Такие высказывания, соответственно, требуют от исследователя повышенного уровня интерпретации.

Перформативный принцип был обоснован Остином на основе анализа «обычных» речевых актов (обещаний, объявлений, клятв и проч.). В науке принято ссылаться на его теорию при исследовании перформативов как отдельных высказываний в составе поэтического текста. В этом случае забывается, что сам Остин отказывался анализировать подобные речевые акты, считая их перформативность фиктивной и неэффективной, а их природу – «паразитарной». На такое решение лингвиста обращает внимание Ж. Деррида в статье «Подпись – Событие – Контекст» (1972). Поддержав Остина в отходе от денотативного описания языка, он подвергает деконструкции лого- и фоноцентрические установки, которые обнаруживаются в теории речевых актов. Деррида первым расширяет поле действия феномена перформативности за счет письменной речи (зачастую человеком, впервые указавшим на перформативный характер письменного текста, считают Ю. Хабермаса, однако его работа «Понятие индивидуальности» написана позже, в 1989 г.), а также задается вопросом о том, не являются ли «риски» провала, «неудачи» реализации перформативов, помещенных в «необычный» контекст, «позитивным и внутренним основанием» возможностей языка и речи, «силой и законом» их проявления. На сегодняшний день стихотворение, действительно, понимается в науке как вымышленный иллокутивный акт, однако, предполагается, что некоторые его части способны имитировать перформативные механизмы «обычных» перформативных высказываний.

Таким образом, актуализация и применение теории речевых актов Дж. Остина в контексте исследований поэтических произведений требует от исследователя исходить, во-первых, из понимания того, что недействительные (в смысле реальности реализуемого действия), «несерьезные», с точки зрения Остина, перформативы должны рассматриваться на равных с обычными, «удачными» и, во-вторых, из расширенного, современного понимания принципа языковой перформативности (толчком к формированию которого, вероятно, и послужили идеи Ж. Деррида).

Литература

1. Деррида Ж. Подпись – Событие – Контекст // Деррида Ж. Поля философии / пер. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. С. 349-375.
2. Однорал В.А. Поэзия и перформативность: за пределами формализма и контекстуализма // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1. С. 101-107.
3. Остин Д. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Д. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 329 с.
4. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35-41.

Платонова М.А.

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Горелов О.С.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ивановский государственный университет»*

153025, г. Иваново, Ивановская область, ул. Ермака, 39

maryplatonova2005@gmail.com

Медиапоэтическая природа видеосообщения в «Телеграме»

Работа посвящена анализу феномена видеосообщения в «Телеграме» как новой формы реализации поэтического текста в цифровую эпоху. Исследуемый в работе феномен рассматривается в сопоставлении с уже устоявшимися формами медиапоэзии (поэзия социальных сетей, видеопоэзия) в рамках исследований медиа и теории перформативного высказывания.

Многие современные пользователи Интернета воспринимают видеосообщение (далее: ВС) в «Телеграме» как повседневное явление при переписке с кем-либо. Однако, обнаруживается, что так называемый «кружок» способен стать и формой реализации поэтического текста. Необходимо указать на отсутствие опыта осмысления обозначенного феномена в науке на сегодняшний день, в связи с чем работа будет направлена на обозначение потенциального круга закономерностей создания, существования и восприятия поэтического ВС без претензии на окончательность высказываемых предположений.

При осмыслении природы поэтического кружка необходимо также обозначить его сходства и различия с уже существующими формами медиапоэзии. С одной стороны, ВС можно отнести к поэзии социальных сетей. Разумеется, большинство текстов сегодня так или иначе существуют в соцсетях, однако в случае кружка обнаруживается та медиапоэтическая специфика, которая и позволяет установить непосредственную связь кружка с поэзией соцсетей. Эта особенность заключается в том, что текст находится в прямой связи с технологией, специфичной для определенного медиaprостранства (в случае ВС таким медиaprостранством является соцсеть «Телеграм»). С другой стороны, одновременная реализация и взаимодействие аудиовизуальных медиатехнологий и вербального элемента позволяет отнести ВС к феномену видеопоэзии. В 1990-х начался перформативный поворот литературы [1, с. 117], что привело к росту популярности этой формы медиапоэтического творчества. Чаще всего видеопоэзия реализовывалась в виде клипов, которые затем выкладывались на тематические сайты, видеохостинги или транслировались во время медиапоэтических фестивалей, конкурсов и выставок. Такая форма приближена к области киноискусства, позволяет автору играть комплексную роль оператора, актера, режиссера и монтажера. При сравнении кружка с поэтическими клипами, обнаруживается, что создание и восприятие последних не связано с площадкой для их размещения. В потенции они способны существовать и восприниматься изолированно. ВС же изначально является способом коммуникации, интегрированным в интерфейс «Телеграма», популярного мессенджера и соцсети.

Видеопоэзия, как отмечалось исследователями [2, с. 23], характеризуется доступностью реализации, однако ВС в этом отношении идет дальше: автору требуется меньше специальной техники и минимум действий для загрузки материала: запись публикуется автоматически там же, где и снимается, на одном устройстве, в одном приложении. При этом субъект, озвучивающий текст, например, сам поэт, воспринимается реципиентами как обычный пользователь соцсетей. Также с технической точки зрения, поэтический клип, который автор волен монтировать исходя из собственных соображений, отличается от кружка, где нет функции монтажа, склейки кадров. Есть, однако, возможность обрезать аудиовизуальную дорожку, составляя ее из следующих друг за другом частей, но их нельзя соединять в произвольном порядке.

Литература

1. Полищук Я. Перформативный поворот в постсоветской культуре // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2019. Т. 44, № 2. С. 113 – 126.
2. Барковская Н. В. Видеопоэзия: проблема субъекта и контекста // *Филологический класс*. 2021. Т. 26, № 3. С. 21 – 33.